

Светлое будущее и его обратная сторона

УДК 001.38

М.П. Король

Настоящее время российской науки: трудности самоопределения или «баланс на грани выживания»

Аннотация:

Рассматривается вопрос о науке как социальном институте в контексте российского общества, где большое значение приобретает процесс оптимальной организации управления наукой и ее развития. Автор делает попытку обозначить наиболее острые для научного сообщества проблемы: введение наукометрических показателей, требование публикации в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, положение социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: наука как социальный институт, научное творчество, наукометрические показатели продуктивности, Web of Science и Scopus, междисциплинарность, трансдисциплинарность, социально-гуманитарные науки.

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук.

В науке на протяжении всей истории идут процессы трансформации, которые меняют ее инфраструктуру, мотивации научно-исследовательской работы ученых, создавая новые модели и мировоззренческие принципы. Но есть некая константа, в которой заключается подлинное величие научного познания – это его цель: объяснить мир и тем самым сделать его интеллигибельным. Умопостижение закономерностей действительности и конструирование целостной системы представлений об общих свойствах окружающего мира на современном этапе образовали новую парадигму научного стиля мышления, в котором знания об объекте соотносятся не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами, носителем которых выступает человек. Данный вариант научного познания получил разнообразные определения у исследователей: «постнеклассическая научная рациональность», «неклассическая эпистемология», «технонаука», «второй тип производства знаний», «трансдисциплинарные исследования». Все эти названия отражают структурную перестройку науки, формирующую крупные интегративные узлы, в которых концептуально объединяются позиции наук об обществе и наук о природе. Во многом этому способствовало развитие синергетики, утверждение в научном мировоззрении идеи коэволюции и глобального эволюционизма, системных исследований, антропного принципа, принципа синхронистичности и принципа участия. Ученые прогнозируют, что уже в ближайшем будущем кооперативное взаимодействие различных научных направлений может способствовать появлению самых разнообразных новаций, которые откроют перед человечеством беспрецедентные возможности в создании нового социально-технологического уклада, на основе которого изменятся отношения между техносферой и биосферой. Колоссальной и преобразующей силой в этом процессе, способной решать глобальные проблемы цивилизации выступают мегатехнологии НБИК.

Надо отметить, что новая форма существования мировой науки и техники, в их междисциплинарном и трансдисциплинарном измерении, своей проектно-конструктивной деятельностью создавая инновационную социокультурную реальность, меняет и сам контекст социального бытия науки, поскольку она, как социальный институт, неотделима от всех политико-

экономических структур общества. Постановка вопроса о науке как социальном институте в ином социокультурном контексте, где первостепенное значение приобретает процесс оптимальной организации управления наукой и ее развитием, особенно остро и неоднозначно звучит для российского научного сообщества.

Модернизационные процессы 1990–х гг. положили начало созданию в России общественных практик, основанных на законах рыночной экономики, деформировавших внутреннюю природу прежних социальных институтов. Радикальность реформ, полное разрушение прежних культурных образцов и социально признанных идеалов, кланово-корпоративный захват собственности, привели к обнищанию большей части населения. Значительную часть «новых бедных» россиян представляли специалисты с высоким уровнем образования и квалификации. Для того чтобы адаптироваться к формирующимся условиям российского капитализма научным сотрудникам необходимо было сделать выбор: либо мало оплачиваемая работа в сфере профессиональных интересов, либо более доходный «рыночный» вид деятельности. Эта дилемма не могла не способствовать истощению всего спектра факторов развития научного знания – от социально-статусного до демографического. Пугающе реальным для России становился образ страны третьего мира, и утрата позиций культурно-исторического типа, внесшего вклад в мировую историю и культуру.

На фоне глубочайшего структурного кризиса, охватившего финансово - экономическую, социально-институциональную и этико-моральную сферы, пришло осознание сохранения цивилизационной идентичности страны, приоритета общенациональных интересов во имя обеспечения конкурентоспособности и безопасности государства. Фактором, призванным решить столь важные проблемы, должна была выступить наука.

Поскольку российский вариант модернизации всегда предполагает политическую волю и активность государства, был разработан ряд основополагающих документов, где были определены цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики:

- «Стратегия инновационного развития РФ до 2020 года»
- Концепция Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
- Указ Президента РФ от 07.07.2011 №899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»
- Указ Президента РФ от 7.05. 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»

Политика 1990–х гг., основанная на полном копировании западных образцов, была признана ошибочной. Однако начавшиеся преобразования академической и вузовской науки вызывают тревогу именно стремлением внедрить в ее организацию и управление западные стандарты.

Так, сложным и неоднозначным представляется введение наукометрических показателей эффективности научной работы, которые ставят ученых перед вопросом о том, как могут формальные критерии и библиометрические данные использоваться в качестве показателей результативности научного творчества.

Еще в 1950-е гг. молодые американские социологи, следуя утверждениям Р. Мертон о том, что в науке ценится, прежде всего, оригинальность и это ориентирует ученых стать первооткрывателями явления или сформулировать первыми теорию, заинтересовались проблемой успеха в науке. Они попытались найти ответ на вопрос: «Приходит ли наибольшее признание научного сообщества к тем, кто лучшим образом, исполняя свою профессиональную роль, производит особое научное знание?». Успешное решение этой задачи представлялось возможным, если определить, что опубликовал каждый исследователь и как часто его оригинальные идеи отражались в трудах других ученых, которые ссылались на данного автора. «Право на авторство опубликованной идеи, таким образом, устанавливается не юридически, а в процессе ее цитирования другими исследователями. Перенесение акцента на взаимодействия поэтому помогает лучше проанализировать конкретные стратегии, используемые учеными в погоне за оригинальностью» [5].

Таким образом, через призму цитирования казалось реальным проследить и академическую траекторию ученых в развитии науки, и признание их интеллектуальной деятельности.

Усилиями Юджина Гарфилда, ученика Р. Мертона, был основан Институт научной информации и индекс научного цитирования – Science Citation Index (SCI) превратился в готовый продукт. Тем самым было положено начало движению объективизации и позитивной формализации критериев оценки и унификации используемых показателей научной деятельности. В 2005 г. американским физиком Хорхе Хиршем в качестве альтернативы классическому "индексу цитируемости", представляющему собой суммарное число публикаций или общее число ссылок на работы учёного был разработан индекс на основе распределения цитирований работ данного исследователя.

Впрочем, все разработанные индексы цитирования для объективной оценки качества деятельности ученого и «узнаваемости» его в общей системе координат научного мира далеко не идеальны и имеют ряд уязвимых мест. Кроме того, при всей своей универсальности данные системы, работая в российском научном пространстве, обретают особый «национальный колорит». Например, усиленное бюрократическое обрамление, которое обретает творчество ученого. Так к 2015 г. была поставлена задача увеличить долю работ российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science.

Творческая работа ученого начинает превращаться в искусственное конструирование. Ученые вынуждены все время следить за своими показателями. Желание повысить собственный рейтинг порождает различные комбинации публикационной активности, подчас далекие от элементарных норм этоса науки: «заказные» цитирования, неоправданное самоцитирование, цитирование соавторами друг друга и т.д.

Несомненно, такие наукометрические платформы как Web of Science и Scopus считаются наиболее авторитетными в научном мире. Но их использование для мониторинга публикационной активности и научной продуктивности именно российских исследователей не всегда дает исчерпывающие данные по двум причинам: отбор журналов традиционно имеет естественнонаучную направленность и в этих индексах цитирования учитываются только англоязычные публикации.

В глобализирующемся пространстве современности многие научные проблемы требуют объединения усилий ученых всего мира, отсюда уникальное явление «сетевой модернити» – мировая наука. Важную роль в сплочении научного сообщества играет язык межнационального общения, обеспечивающий полилог ученых различных стран. Ведь следуя «гипотезе лингвистической относительности» и «доктрине лингвистического детерминизма» можно утверждать, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают окружающий мир, и разница в языке становится причиной отличий в протекании когнитивных процессов. Это еще раз убеждает в том, что в постижении многомерности и изменчивости мира, в поиске концептуальных оснований, позволяющих хотя бы приблизиться к инструментальному подходу в решении насущных проблем человеческой цивилизации, необходима языковая унификация, роль которой признанно выполняет английский язык.

Тем не менее, для успешного развития науки надлежит не только соответствовать объективным общемировым тенденциям, но и особенностям, ценностям смыслов национальной культуры. Ведь «единственное, что не сулит никаких перспектив – это нежелание работать над осознанием собственной миссии, собственного культурного своеобразия в области науки, ибо это обрекает нас на бесконечную и беспросветную подражательность, вторичность по отношению к тем образам национальной науки, которые будут созданы кем-то, причем не ради обеспечения наших интересов» [9]. Поэтому не надо забывать, что важную роль в консолидации России играет русский язык и «...отказ от него в науке, тотальный переход на английский язык является губительным не только для гуманитарной науки, но и для дальнейшего развития российского общества и государственности...» [2]. Вот почему при всей интернациональности современной науки сохранение национальной самобытности и плюрализма интеллектуальных дискурсов идет на пользу национальной, и мировой науке.

Вернемся к положению о том, что амбициозные цели долгосрочного развития, выдвинутые российской политической элитой по закреплению геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров, заставили осознать, что единственным возможным способом достижения этой цели является сциентификация общества. Тем самым была признана системообразующая роль института науки, трактуемой как необходимость консолидации различных социальных, национальных, политических сегментов.

Однако можно констатировать, что до настоящего времени единой логически непротиворечивой концепции роли науки в современном отечественном социуме пока не выработано, скорее, можно наблюдать разновекторные усилия, «выстроенные в экономикоцентричной парадигме, ранее продемонстрировавшей свою ограниченность» [2]. Это доказывают следующие факты:

- Россия занимает 34 место по объему госфинансирования науки.
- Рост расходов государства на науку, хотя и имеет место, остается незначительным: если в 2000 г. он составлял 0,11 % ВВП, то в 2012 г. – 0,14% ВВП, что существенно меньше соответствующих данных, характеризующих страны, лидирующие по объему расходов на науку в развитых экономиках по данному показателю (Финляндия 3,9% ВВП, Корея 3,6% ВВП, Япония 3,3% ВВП, США 2,3% ВВП).
- Расходы США на НИОКР — 31%; ЕС – 24%, КНР – 14%, Россия – менее 2%.
- Государственная поддержка университетской науки в РФ ничтожно мала [2].

Тем самым, «экономикоцентричная парадигма» негативно отражается на формировании сложного организма «большой науки», не стимулируя развития исследований, которые характерны для современной эпохи. Особенность современного парадигмального сдвига в науке представлена трансформацией наших представлений о реальности как процесс-системы. Объектом познания становятся сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека, так называемые человекоразмерные объекты. В этом проявляется взаимопроникающее единство природного и человеческого мира. Это предполагает, что при сохранении дисциплинарного устройства науки она все больше трансформируется к междисциплинарным программам и трансдисциплинарным исследованиям, сближая позиции социально-гуманитарных и естественных наук в построении общенаучной картины мира.

Между тем, в реальности российской науки как социального института прослеживается явное иерархическое ранжирование на «беспольных» гуманитариев, познающих «выразительное и говорящее бытие» [1, 227-228] и первенствующих представителей естественно-технических наук, которые ориентированы на решение прикладных задач.

Витающая в воздухе идея о ликвидации гуманитарного сектора РАН и изданный Указ Президента РФ от 07.07.2011 №899, не имеющий в списке приоритетных направлений развития науки и технологий ни философских, ни вообще никаких социально-гуманитарных наук, только доказывают данное положение вещей. «Между тем, именно эта сфера в институциональном плане несет ответственность за сохранение цивилизационной идентичности социума, за несводимость общества к населению, за разработку национальных стратегий и обеспечение экономической безопасности, да и самопознание общества в целом – сфера ответственности гуманитарного знания» [2].

Если обратиться к генезису социально-гуманитарных наук, то их «ростки» как автономного, самостоятельного целого выделились из единого научного знания позднее, чем естественные дисциплины. Пришлось проделать тернистый путь, чтобы доказать свою способность соответствовать критериям научности, которые были утверждены методологией естествознания.

Безусловно, естественные науки и новейшие технологии открывают новые горизонты, и колоссально расширяют возможности человека в создании искусственной жизни и разума, но в то же время, тем самым они проблематизируют многие сюжеты и ставят человечество перед не существовавшими раньше рисками и угрозами. Ведь и в технологичном XXI в. остается главным традиционный комплекс гуманистических проблем сущности и смысла жизни, назначения человека, его места и роли в окружающем мире, взаимоотношения его духовных и материальных устремлений и возможностей, а не задача превратить человека в технологический артефакт. И если

технологическое использование науки связано с экономической и социально-политической выживаемостью страны, то развитие гуманитарных исследований имеет непосредственное отношение к самореализации человека и культуры, к созданию новой техноонтологии.

Нами были обозначены лишь некоторые «болевые точки» современной отечественной науки, но за всеми из них стоят, прежде всего, ученые с их знаниями, опытом, квалификацией, ведь именно они ведущие фигуры науки. Поэтому из всего проблемного поля российской науки в настоящее время главной остается одна: сохранить живых людей с их одержимостью в устремлении к новому – «авторов, грантополучателей, будущих лидеров рейтингов, мотивированных ученых» [2].

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук.// С-Петербург.- «Азбука». – 2000. – С. 227-228.
2. Круглый стол «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. – 2014. – №8. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 25.09.2015).
3. Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. – 2015. – №5. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
4. Можно ли измерять научное творчество? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2014. – №4. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
5. Наука. Технологии. Человек. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. – 2015. – №9. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 29.10.2015).
6. Олейник А.Н. К институциональной теории науки // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С.29-35. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/38971715> (дата обращения 20.09.2015).
7. Пружинин Б.И. О том, что мерить нельзя... // Вопросы философии. – 2014. – №4. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
8. Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф. Социальные роли ученого от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. – 2015. – №3. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
9. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. – 2014. – №8. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 15.10.2015).
10. Чернозуб С.П. К новому концепту национальной науки // Общественные науки и современность. – 2011. – №6. – С.132-142. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/38971715> (дата обращения 10.10.2015).

The question of science as social institute in the context of the Russian society where the great value gets process of the optimum organization of management of science and its advances is considered. The author does attempt to designate the sharpest problems for scientific community: introduction of scientometric indicators, the requirement of the publication in the magazines indexed in Web of Science and Scopus, provision of the social humanities.

Key words: science as social institute, scientific creativity, scientometric indicators of efficiency, Web of Science and Scopus, interdisciplinarity, transdisciplinarity, social humanities.